

RU

Металексикография, культура и лексиколтура: структура и категории описания (на материале русского, английского, немецкого, французского и малагасийского языков)

Седых А. П., Акимова Э. Н., Безкоровайная Г. Т.

Аннотация. Цель исследования – выявление структурных и дескриптивных признаков современного лексикографического кластера. Научная новизна работы состоит в комплексном выделении металексикографических форматов описания современной лексикографической науки в русле корреляций с «материнской» культурой, как на уровне лексики, так и в пространстве законченного высказывания. Научная новизна исследования также состоит во введении в активный научный оборот терминов «культурный зазор», «лингвокультурный тензор» с целью уточнения понятийного аппарата и более чёткого семантического структурирования терминосистемы металексикографии, теории языка и теории коммуникации. К одному из основных эпистемологических аспектов работы относится разработка проблематики лексиколтурной трактовки лексикографического пространства как семиотической целостности и ценности, то есть вопросов поисков основ поликультурной идентичности, на которые можно дать ответ, так или иначе обращаясь к языку словарей различного типа. Важным моментом исследования является обнаружение корреляций между концептуальным и эпистемическим измерением металексикографического знания, иными словами, между лингвистическим и концептуальным анализом словарного дискурса в русле интерпретивно-семиологического подхода. Достигнутые результаты показали важность дальнейших разработок металексикографической парадигмы в русле постоянно обновляющегося филологического знания, а также позволили обнаружить на уровне его функционирования информацию о коллективных элементах мировоззрения и когниции лингвокультурологического сообщества и национально-культурной идентичности. Полученные данные дали возможность выявить ряд важных элементов лингвосомиотического воздействия на мышление потребителя словарной информации, необходимых для преодоления кризисно-стрессовых ситуаций, связанных с ускоренной динамикой развития высокотехнологичных форматов лексикографических данных, на путях создания новой металексикографической аксиологии с целью оптимизации моделей когниции и коммуникации.

EN

Metalexigraphy, culture and lexicology: Structure and categories of description (based on the Russian, English, German, French and Malagasy languages)

Sedykh A. P., Akimova E. N., Bezkorovaynaya G. T.

Abstract. The aim of the study is to identify the structural and descriptive features of the modern lexicographic cluster. The scientific novelty of the paper lies in a comprehensive identification of metalexigraphic formats for the description of modern lexicographic science in line with correlations with the “maternal” culture, both at the level of vocabulary and in the space of a complete utterance. In addition, the study is novel in that it introduces into active scientific use the terms “culture gap”, “linguocultural tensor” in order to clarify the conceptual apparatus and provide a clearer semantic structuring of the term system of metalexigraphy, language theory and communication theory. One of the main epistemological aspects of the work is represented by the development of the problems of lexicological interpretation of lexicographic space as a semiotic whole and value, that is, the issues of searching for the foundations of multicultural identity, which can be resolved one way or another by referring to the language of dictionaries of various types. An important point of the study is the discovery of correlations between the conceptual and epistemic dimensions of metalexigraphic knowledge, in other words, between linguistic and conceptual analysis of vocabulary discourse in line with the interpretative-semiological approach. The results showed the importance of further development of the metalexigraphic paradigm in line with the constantly

updated philological knowledge and also made it possible to discover the information about the collective elements of the worldview and cognition of the linguoculturological community and national-cultural identity at the level of philological knowledge functioning. The data obtained allowed the researchers to identify a number of important elements of the linguosemiotic impact on the thinking of a consumer of dictionary information necessary to overcome critical and stressful situations associated with the accelerated dynamics of the development of high-tech lexicographic data formats on the path of creating new metalexigraphic axiology in order to optimise cognition and communication models.

Введение

Актуальность работы состоит в повышении роли металексикографического восприятия информации и в растущей востребованности аксиологических построений в русле поиска адекватных оценок и решений для конструктивной синергии индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание металексикографического базиса для преодоления негативных последствий контактов с агрессивной медиацифровой средой.

Согласно перманентно возникающим и обновляющимся эпистемологическим и теоретическим воззрениям, способы концептуализации понятия культуры развиваются в соответствии с вновь открывающимися перспективами экзистенции человеческих сообществ. Культура рассматривается как специфическая категория, которой обладает человечество, иными словами, некая идеологическая субстанция, которую члены социумов могут легко ассимилировать, а также преобразовывать, манипулировать ей. Культура также трактуется как нечто неотторжимое от *Homo sapiens*, то есть то, чем является человек в отличие от представителей животного мира, а также как универсальный лингвосомиотический концепт, заложенный в семантике человеческих отношений, семантико-смысловая структура которых очень консервативна и развивается в рамках крупных временных периодов (Седых, 1998).

Часто культура рассматривается как цемент, объединяющий людей, набор характерных элементов, разделяемых сообществом, которые проявляются, сохраняются и развиваются, или же, в межкультурной перспективе, как фактор инаковости, набор различий, отличающих одно сообщество от другого. Наконец, культура иногда воспринимается как достаточно устойчивое явление, легко поддающееся описанию и анализу, иногда как динамическое явление, находящееся в вечном движении, подобно вечному движению Монтеня: «Слово “культура” в том антропологическом смысле, в котором мы его используем сегодня, является изобретением второй половины XIX века и примерно эквивалентно слову “цивилизация”: оно обозначает все “вещи”, которые отличают людей от других видов живых существ, обитающих на Земле» (Streeck, 2002, p. 300).

В этом контексте множественности интерпретаций культурного феномена – от культуры к культуре – неудивительно, что объект «словарь» по преимуществу является культурным артефактом, коррелирует с ним и применяет подходы, используя соответствующие данные, которые столь же разнообразны как в своём существовании, так и в их трактовке. Не конкретизируя эпистемологию культуры, лексикографы обращаются с культурными данными весьма по-разному, от позитивизма до герменевтики, от этнологического наблюдения за человеческим поведением до семиотической интерпретации культурных символов. Парадоксальное объяснение заключается в том, что в конечном итоге обработка любых данных определяется прагматическим назначением конкретного словаря (Седых, 2022).

Знание слов неотделимо от знания культуры. Восстановление значения слова – это также восстановление его культуры. Передовые представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Рикёр, 2004; Карасик, 2016; Pruvost, 2000; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023). Когда культурный тезаурус естественного языка изобилует ассоциативным материалом, то это побуждает лексикографов к его описанию и написанию статей и (меж)культурных эссе. При этом данный тип вокабуляра подобен семиотическому айсбергу на поверхности океана языков. Общеязыковой словарь также модно трактовать в русле герменевтического измерения, иными словами, с точки зрения его конструктивистской определённости как культурного артефакта. В предисловии к своему культурному словарю на французском языке Ален Рей пишет, что проект состоит в том, чтобы вести читателя от средств выражения естественного языка, французского, к понятиям, символам и представлениям о мире, которые вырабатываются из языка в разных культурах (Dictionnaire culturel..., 2005).

Исследование опирается на теоретико-практический и практико-ориентированный подход, основанный на концептуализации словаря как информационной утилиты (Leroyer, 2009), наделённой функциями, направленными на удовлетворение информационных потребностей пользователя словарных данных (Bergenholtz, Taq, 2003). Следовательно, необходимо определить, кто является пользователями и каковы их информационные потребности в предполагаемых культурных или межкультурных ситуациях.

Итак, первый раздел посвящён металексикографии. Во втором разделе представлена теория лексикографических функций в корреляции с культурой, а также осуществляется описание культурологических данных в общем и специализированном словарях, рассматриваются решения, адаптированные к типам словарей и их лексикографическим функциям. Третий раздел посвящён категориям описания в русле лексикокультурных параметров вокабуляра ряда национальных языков. В заключении подтверждается необходимая связь культурно-лексикографических решений с базовым функционалом и прагматикой высказывания.

Специальная терминология выступает неотъемлемым элементом лексикографического кластера, и в этом плане терминологический аппарат и дискурсные конструкции есть продуктивный источник, в частности

для реконструкции сущностных признаков модели металексикографической идентичности потребителя современных словарей, в которые включается весь арсенал лексикографических ресурсов современного мира.

Материалом для исследования послужили следующие словари: Большая энциклопедический словарь. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М. – СПб.: Большая Российская энциклопедия; Норинт, 2000; Караулов Ю. Н., Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Русский ассоциативный словарь: в 2-х т. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I. От стимула к реакции: около 7 000 стимулов. Т. II. От стимула к реакции: более 100 000 реакций; Седых А. П., Багана Ж. Н., Лангнер А. Н. Русско-французский словарь: профессиональная и обыденная коммуникация. М.: Флинта, 2010; Larousse. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. P., 2013; Oxford Dictionary of the English Language. Oxford: Oxford University Press, 2010; Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014; Rakibolana Malagasy Alema: Madagassisch-Deutsches Wörterbuch / hrsg. von H. Bergenholtz. Moers: Aragon Verlag, 2016; Dictionnaire culturel en langue française: en 4 t. / éd. par A. Rey, D. Morvan. P.: Le Robert, 2005. Т. 1.

Словарь как объект исследования традиционно пользуется особым вниманием гуманитариев (Карасик, 2007; 2016; Седых, Бузинова, Иванова, 2023; Identités sociales..., 2009; Stein, 2004; Pruvost, 2014; Rey, 2020). Тем не менее, как любой многозначный феномен, лексикографический продукт имеет потенциал эпистемологического развёртывания *sui generis*, что отражается в ряде работ филологов и социологов (Morin, 2006; Rastier, 2009). Следует подчеркнуть, что металексикография находится на пике своей исследовательской активности, особенно лексикопольных изысканий.

В задачи нашего исследования входит лингвосемиотическая интерпретационная реконструкция элементов металексикографического дискурса. Ключевым для проекта выступает выявление лингвокогнитивного статуса металексикографии, культуры и лексикопольтуры и их актуальности для современного человека с точки зрения выбора адекватной модели дискурсного восприятия и коммуникации.

Речь идёт не столько о структурно-композиционных характеристиках металексикографического кластера, сколько об универсальности и эффективности методики лингвосемиотического анализа словарных дескрипций в рамках любого языкового сообщества, лингвокультурного пространства и исторической эпохи. В адекватной и конструктивной методике мышления нуждаются не только филологи, но и представители культурологии, психологии, социологии, иными словами, гуманитарная парадигма научного знания.

В теоретическую основу работы положены концепции следующих исследователей и направлений: металексикографии и лексикопольтуры (Quemada, 1987; Pruvost, 2000; Dictionnaire culturel..., 2005; Rey, 2020), теории этнокультурных следов языкового знака и языковой личности (Седых, 1998; 2022; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023), дискурсивной идентичности (Identités sociales..., 2009; Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005; Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018). Дополнительным элементом категоризации языкового материала явились идеи нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосемиологии (Kristeva, 2000), психомеханики (Babu, 2014; Tabachnick, 2011; Седых, Бузинова, Иванова, 2023), структурной мифологии (Baudrillard, 1974).

Значимость теоретических построений исследования видится в разработке лингвосемиотического подхода к изучению лексикографии с введением дополнительных синергетических параметров металексикографического и лексикопольтурного континуума. Анализ эмпирического материала позволяет говорить о подтверждении научных положений металексикографической науки, теории дискурса и лингвосемиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории лексикопольтурного моделирования, в частности металексикографической картины мира и нового терминологического арсенала эпистемологической направленности.

Методы исследования включают в себя дискурсивно-коммуникативную интерпретацию высказывания, а также выделение металексикографических признаков словарной рецепции и коммуникации с целью создания условий для обозначения реалий медийно-цифровой лексикографической активности.

Практическая значимость исследования видится в применении его результатов в процессе преподавания лингвосемиотических основ языкознания и базиса металексикографического дискурса, на лабораторных занятиях филологических и переводческих специальностей, в рамках практических курсов по подготовке преподавательского состава педагогических институтов и преподавателей классических университетов.

Обсуждения и результаты

1. Металексикография

Итак, начнём с фундаментального постулата о том, что культура, образно говоря, «орошает» и «оплодотворяет» лексикографию как в теории, так и на практике. В этой перспективе дескриптивная дисциплина металексикография «культурна» в высшей степени. Следует отметить, что речь идет не только о лексикографии общего языка, но и о лексикографии специальных языков (языков для специальных целей), которые формируют и передают совокупность знаний о множестве областей человеческой деятельности, сформированных культурой на протяжении столетий: финансах, политике, управлении, образовании, торговле, туризме. Специализированный язык формируется национальными культурами, профессиональными культурами и даже корпоративными культурами, которые создают свои собственные социолекты, чтобы отличаться друг от друга (Kerbrat-Orecchioni, 2005).

Лексикографическая трактовка культуры вдвойне связана не только с концептуализацией культуры, но и прежде всего с концептуализацией типа словаря, его функций по отношению к культурным данным и его прагматической цели. Мы разделяем эпистемологическую позицию функциональности и прагматичности словарного

материала, предоставляемого потребителю. При обработке культурологического кластера задача лексикографа состоит в адаптации для каждого типа словаря отбора и представления культурных данных к информационным потребностям пользователей в предусмотренных ситуациях использования вышеуказанных составляющих.

Если термин «культурная лексикография» может показаться парадоксальным с формальной точки зрения, то это потому, что таковой по сути дела является и культурологическая металексикография. Существует такое множество металексикографических исследований, посвящённых трактовке культурной лексики в словарях, что было бы невозможно составить их исчерпывающую опись, даже если бы они представляли эпистемологическую ценность (Pruvost, Sedykh, 2016). Как правило, сравниваются лексикографические описания из словарей на двух или более языках – чаще всего из географически далеких социумов. Затем обсуждаются культурные допущения, лежащие в основе слов и фраз, которые существенно отличаются от культуры к культуре или представляют определённые культурные явления и обычаи, присутствующие в одной культуре, но отсутствующие в другой. Не будем отступать от металексикографических традиций описания, принятых в большинстве научных сообществ, но начнём описание-обсуждение с краткого введения в понятие культуры.

По сути, культурологическая литература различает по крайней мере две расходящиеся концепции культуры. Первая основана на создании и использовании символов, а вторая – на поведенческих ценностях человеческой деятельности и социокультурных обязательствах индивида:

1. Культура как *система символов*, то есть набор идей, передающих смыслы, разделяемые большинством членов сообщества.

2. Культура как *поведенческая система*, основанная на следующих четырех элементах: ценностях, нормах, убеждениях и способах выражения этой системы ценностей.

Эти две интерпретации подразумевают, что почти любой продукт поведения и его индуцированные эффекты следует понимать как обусловленные культурой. Если предположить, что любой продукт поведения и его последствия могут быть выражены и действительно выражаются через слова и речевые обороты языка, то в принципе следует, что это действительно элементы, характерные для конкретной культуры. Эту точку зрения поддерживает известное классическое определение Эдварда Бернетта Тайлора: «Культура – это то целое, которое включает в себя знание, веру, искусство, мораль, закон, обычай и любые другие способности, и привычки, приобретенные человеком как членом общества» (Tylor, 1871, p. 1).

Культура не является отдельно взятым или изолированным явлением. Она разделяется через имплицитные и эксплицитные модели норм и ценностей, применимых к человеческому сообществу, которое строит, воспроизводит, разделяет, трансформирует и транслирует общую культурную систему для каждого из видов деятельности на основе конкретной интерпретации норм и ценностей (Рикёр, 2004). Члены такой культурной системы передают её следующему поколению, которое, однако, модифицирует или расширит систему в большей или меньшей степени. Таким образом, «культура активно изучается, она формирует коммуникативное поведение и влияет на мировосприятие любого сообщества» (Rey, 2020, p. 113).

Язык является составной частью культуры, и это означает, что любая лексическая единица, любое выражение, зафиксированное в словаре, генерируется национальной культурой. Это означает, что любая лексическая единица, любое выражение, зафиксированное в словаре, формируется культурой. В межкультурном плане этот факт относительно легко понять, изучая контрастный образ чужой культуры, в котором обширные составные множества этого сообщества и лингвистические выражения, используемые для их обозначения, значительно различаются через призму культурной точки зрения наблюдателя-исследователя.

Упомянутые выше металексикографические работы не основаны на таком широком понимании культуры. Они просто предполагают, что есть области, в которых языковые сообщества через конкретные слова и выражения разделяют одно и то же базовое понимание культуры. Это вполне может иметь место в области естественных наук, где тем не менее существуют большие различия в представлении и понимании передачи знаний между экспертами, полужуртами и неспециалистами, хотя в принципе эти категории пользователей просто нуждаются в объяснениях, соответствующих профилю их знаний и опыту.

В областях, непосредственно не зависящих от культурной композанты, пользователи, безотносительно к их родному языку, нуждаются в семантической или энциклопедической информации. Тем не менее выбор языка, на котором должны быть написаны эти пояснения, как минимум бинарен: на родном или иностранном языке (далее – Я1 и Я2). В любом случае, разные категории пользователей имеют одну и ту же систему отсчёта (общая культура и когнитивно-коммуникативная база социума) и схожие информационные потребности (Седых, 2022).

В культурозависимых областях предмет изучения неразрывно связан с этнокультурой, поскольку именно здесь дисциплина выработала свои специфические черты как исторически, так и культурно, в пределах ограниченных географических ареалов. Эти черты сильно отличаются от языка и культуры стороннего наблюдателя, изучающего их. Вот почему объект изучения обычно варьируется от одной страны к другой, от одного языкового сообщества к другому. К областям, связанным с культурой, относятся, например, экономика и финансы, право, юстиция, политика, государственное управление, системы образования, деловая жизнь и человеческие организации, а также почти все сферы повседневной жизни: приготовление пищи, повседневные обязанности, семья, воспитание детей, ведение хозяйства, дискуссии, вежливость, властные отношения.

2. Культура, лексикографические функции и словари

Основной задачей лексикографов является изучение различных областей человеческой деятельности и связанных с ними информационных ограничений с целью выявления потребностей, которые могут быть удовлетворены словарями. Эти потребности не являются абстрактными интеллектуальными конструкциями, а неизбежно связаны с конкретными группами людей, задействованными в конкретных ситуациях реальной

жизни. Лексикографы должны установить профиль целевых групп пользователей и разработать типологию ситуаций использования, связанных с проблемами или информационными потребностями, которые могут быть решены или удовлетворены путём обращения к лексикографическим данным в словарях.

Как только работа по идентификации и групповому профилированию выполнена, лексикографы могут определиться с функциями и назначением своего словаря. Логическим следствием этого является то, что словари, конечно, не должны быть похожи друг на друга, а должны, наоборот, различаться, и даже значительно. Однако словари не «обречены» на то, чтобы всегда сохранять статус полифункциональных средств. Чтобы быть ещё более эффективными, словари должны быть разработаны как монофункциональные инструменты, предназначенные для одного типа конкретных пользователей и для одного типа конкретной ситуации использования (Bergenholtz, Tarp, 2003).

В данной перспективе лексикографы должны включать набор ключевых параметров специальных словарей в профилирование конкретных групп пользователей. Хотя не все они представляются всегда актуальными для рассматриваемого профиля, но в целом применимы следующие параметры целевой аудитории:

1. Родной язык пользователей.
2. Уровень владения родным языком.
3. Оценка уровня владения иностранным языком.
4. Уровень владения переводом между рассматриваемыми языками.
5. Уровень общих и энциклопедических культурологических знаний.

Другие параметры иногда требуются для ещё более специфических словарных проектов, но указанные выше параметры являются наиболее важными для профилирования групп пользователей. Характеристика пользовательского профиля – это первый шаг, который лексикографы должны сделать для определения информационных потребностей, не являющихся, как указано выше, абстрактными явлениями, а тесно связанных с конкретными ситуациями; лексикографы должны определить, изолировать и проанализировать эти ситуации, прежде чем даже перейти к следующему шагу, который должен установить типы потенциальных информационных потребностей таких-то конкретных типов пользователей в такой-то конкретной ситуации.

Теория лексикографических функций базируется на центральном различии двух категорий ситуаций употребления:

1. Коммуникативные ситуации, которые касаются существующих или намеренных актов общения как в устной, так и в письменной форме между двумя и более собеседниками. Для ситуаций такого типа лексикографы проецируют искомую информацию непосредственно через свои словари, когда собеседники сталкиваются с коммуникативными проблемами, которые они пытаются решить, обращаясь к словарю. Словари, способные удовлетворить эти потребности, можно назвать коммуникативными словарями или словарями активного типа.

2. Когнитивные ситуации, которые относятся к фреймам, когда по тем или иным причинам пользователи желают получить дополнительную информацию по заданному предмету, такую как общекультурная или энциклопедическая информация, специализированная информация в области научной дисциплины (астрономия, химия, микробиология) либо лингвистическая информация в контексте процесса изучения языка (например, изучения иностранного языка). Для каждого типа пользователей и для каждой данной ситуации лексикографы должны выявить характер потенциальных информационных потребностей и определить, какие из них могут быть удовлетворены путём обращения к словарю. Это позволяет им вывести лексикографические данные для выбора и включения в словарь. С лексикографической точки зрения любая форма общения в познавательных ситуациях сводится исключительно к обмену между лексикографами как авторами словаря с одной стороны и пользователями словаря с другой. Пользователям нужны знания, и лексикографы предоставляют их на когнитивном уровне. Словари, способные удовлетворить эти потребности, следует назвать когнитивными или идеографическими словарями.

После установления типов соответствующих ситуаций использования языкового материала и характеристик целевых групп пользователей лексикограф должен «трансформировать» или перевести потребности пользователей в информационную плоскость. Как правило, пользователям словарей нужны следующие категории информации:

1. Информация о родном языке.
2. Информация на иностранном языке.
3. Сравнение родного языка и иностранного языка.
4. Информация о культуре и мире в целом.
5. Сведения о специальности.
6. Сопоставление между «материнской» культурой и чужой культурой.

Определение потребностей отвечает немаловажной практической задаче, а именно позволяет лексикографам определить, какие данные необходимо отбирать, обрабатывать и представлять в словаре, чтобы оказывать адресную лексикографическую помощь каждому типу конкретного пользователя и в каждом типе конкретной ситуации использования. После профилирования группы пользователей, установления конкретных типов узуса и определения потребностей пользователей, связанных с этими ситуациями, лексикографы могут приступить к реализации лексикографических функций своего продукта.

Лексикографическая функция словаря состоит в том, чтобы предоставить финитный продукт группе пользователей, разделяющих один и тот же специфический профиль, и посредством целевой информации помочь удовлетворить все информационные потребности, которые могут возникнуть в той или иной конкретной ситуации использования. Словарь вполне может быть моно- или полифункциональным; как и любой утилитарный объект, он имеет свою собственную прагматическую цель и объединяет все свои функции, а также области, которые он охватывает.

Опыт показывает, что именно ситуации употребления определяют функции словаря. Например, разница между словарём, предназначенным для производства текстов на родном языке пользователя, и словарём, предназначенным для перевода на иностранный язык, гораздо более выражена, чем разница между словарём для производства на родном языке для взрослых и словарём для школьников или студентов колледжа. По этой причине функции часто называют в соответствии с типами соответствующих ситуаций использования. Функции можно сгруппировать в коммуникативные и когнитивные функции согласно двум категориям ситуаций использования. В словарях важнейшими функциями являются, по нашему мнению, следующие позиции коммуникативной поддержки: *исправление и доработка текстов; устранение проблем с получением текстов на родном языке; решение проблем, связанных с производством текстов на родном языке; решение проблем с получением текстов на иностранном языке; с созданием текстов на иностранном языке; решение проблем, связанных с переводом текстов с родного языка на иностранный язык; с переводом с иностранного языка на родной язык.*

При этом в рамках реализации наиболее важных когнитивных функций решаются следующие задачи: *предоставить общекультурную и энциклопедическую информацию; предоставить специализированную информацию об определённом слове или понятии; предоставить информацию о языке.*

Функции являются строительными блоками лексикографической теории и практики и образуют основу, на которой строится любой проект словаря. Почти всё в словаре более или менее обусловлено его функциями. Без учёта функций ни один проект словаря не может быть правильно разработан; ни его данные, ни его форма не могут быть правильно выбраны и представлены.

Пользователи обращаются к словарям, чтобы извлечь информацию, которая поможет им решить конкретные проблемы или обогатить свои знания. Словари призваны удовлетворять потребности, которые могут возникнуть в этих двух случаях. В некоторых ситуациях информационные потребности элементарны и могут быть удовлетворены за счёт сокращённого количества лексикографических данных. В других, напротив, потребности весьма сложны и могут быть удовлетворены только путём объединения нескольких категорий лексикографических данных. Как упоминалось выше, когда лексикографические функции и подлинное назначение словаря определены, лексикографы могут перейти к следующему шагу, который заключается в том, чтобы решить, какие данные обрабатывать и использовать для изменения дизайна или обновления словаря, чтобы проанализировать, в какой степени уже имеющиеся данные соответствуют ожидаемым функциям. В теорию функций следует включать только те данные, которые можно обосновать в отношении именно лексикографических функций. То же самое касается представления и структурирования данных, которые должны следовать тем же принципам.

Данное обсуждение не ограничивается монофункциональными словарями, но включает и полифункциональные словари, поскольку последние полезны для объяснения типа соответствующего словаря.

Говорящие на родном языке, как правило, знакомы с культурными явлениями, общими для большинства членов их социума. Если данные компетенции отсутствуют, то решение для лексикографа состоит в том, чтобы предоставить им пояснения в Я1. Иная ситуация для носителей иностранного языка. Проще всего для них иметь доступ к объяснениям, написанным на их родном языке, если только их уровень владения иностранным языком не эквивалентен уровню владения Я1.

Двуязычные словари, посвящённые языкам самых разных экзотических для европейца культур, иногда содержат статьи, проливающие свет на эти типы лексикографических ситуаций, например, в Малагасийско-немецком словаре (2016) около 7% статей содержат пояснения, непосредственно связанные с явлениями культуры (Rakibolana Malagasy Alema, 2016). Слова и выражения с пояснениями включают в себя большинство видов деятельности человека: транспорт, продукты питания, растения и фрукты, музыкальные инструменты. Статьи ниже имеют пояснения на немецком языке, поскольку целевые пользователи словаря являются носителями немецкого языка. Поэтому им не составит труда понять объяснения, которые они могут там найти. Приведём ряд примеров, предоставленных металексикографами Леруайе и Бергенхольцем (Leroyer, Bergenholtz, 2013):

buxi = микроавтобус для коротких поездок, в котором больше мест, чем в такси (*Mini-bus, der über kürzere Strecken und fährt mehr Sitzplätze hat als ein taxi-be*) (здесь и далее перевод выполнен автором. – А. С.);

taxi-be = общественное такси для коротких поездок, обычно ограниченных периметром города (*ein Sammeltaxi, das über kürzere Strecken fährt, oft nur innerhalb einer Stadt*);

taxi-brousse = общее такси для дальних поездок (*ein Sammeltaxi, das über längere Strecken fährt*).

В этих объяснениях-дефинициях не упоминается тот факт, что различные типы общественных такси отправляются только тогда, когда они полны (а иногда даже переполнены), но это объяснение не является необходимым в словаре-рецепторе. Другие статьи дополнены или должны были быть дополнены иллюстрациями, позволяющими пользователю получить четкое представление о том, как выглядят слова и понятия, как в следующих двух статьях:

avoko = вьющееся растение, корни и плоды которого съедобны (*Kletterpflanze, deren Wurzel und Früchte essbar sind*);

tananiavòho traditionelle = традиционная женская причёска этнической группы Мерина (*Damenfrisur bei den Merina*). Далее следует рисунок, изображающий голову малагасийской девушки с характерной причёской: волосы собраны в пучок с хвостиком в нижней части головы.

Следует отметить, что не всегда можно объяснить явления культуры в нескольких словах или нескольких предложениях. В таких случаях в когнитивных словарях могут появляться более сложные статьи, подобные приведенной ниже:

famadihana (переворачивание мёртвых) = очень важный центральный обряд поклонения предкам в районе высокогорного плато Мадагаскара. По истечении определённого срока (несколько лет) усопшего эксгумируют

из фамильного склепа и заворачивают в новый саван. Фамадихана – большой радостный семейный праздник, во время которого также приносятся в жертву животные (зебу, куры). Он может длиться несколько дней и сопровождается музыкой, песнями и танцами (*Umwendung zentraler und wichtigster Ritus der madagassischen Ahnenkulturauf dem zentralen Hochland. Nach einer angemessenen Frist (mehrere Jahre) wird ein Verstorbener aus der Familiengruft geholt und in neue Leichentücher gewickelt. Famadihana ist ein großes, frohes Familienfest, in dessen Verlauf auch Tiere (Rinder, Geflügel) geopfert werden. Es kann mehrere Tage dauern und wird von Musik, Tanz und Gesang begleitet*). В дополнение к этой информации в словаре также приводится иллюстрация данного ритуала, не совсем понятного европейцу (Rakibolana Malagasy Alema, 2016, S. 30-35).

В статье не дается никакого объяснения на малагасийском языке, поскольку лексикографы предположили, что все малагасийцы знакомы с этим понятием и понимают его значение. Из такой формы представления – объяснение на немецком языке, связанное с иллюстрацией, – ясно, что словарь действительно является словарём-рецептором приёма, предназначенным для немецкоязычных пользователей (Leroy, Bergenholtz, 2013).

Многие лингвисты и лексикографы различают категории слова и референта, знание языка и знание мира, часто называемые «семантическое знание» и «энциклопедическое знание». Так обстоит дело, например, с филологами-лексикографами, для которых переводчики являются посредниками между языками и культурами и, следовательно, должны овладеть двумя разными видами знаний. Однако ряд лексикографов, таких как Бергенхольц и Тарп, подчёркивают, что это различие весьма проблематично и почти невозможно сохранить дифференциацию между языком и культурой на практике, что подтверждается сравнительным лингвосомиотическим анализом разных языков (Bergenholtz, Tarp, 2003). Чем больше культурная дистанция между двумя языками, тем большее количество культурно «заряженных» слов и выражений идентифицируют лексикографы. В таких случаях становится ясно, что простого межкультурного обмена и понимания культурных знаний серьёзно не хватает для обеспечения адекватной коммуникации. Конечно, можно квалифицировать природу этой инаковости как семантическую или энциклопедическую, но это не имеет большого значения, поскольку по сути дела речь идёт об одном и том же феномене, называемом часто термином «лексиккультура» (Galisson, 1988), содержание которого будет раскрыто далее.

Выражения, связанные с культурой, характеризуются тем, что их трудно перевести с одного языка на другой. В распоряжении переводчиков есть как минимум четыре варианта, которые лексикографы должны учитывать при разработке и написании переводных словарей. Переводчики могут перевести слово с Я1 на Я2, используя один из нескольких вариантов:

1. Выбор слова из Я2 с почти тем же значением, что и в Я1.
2. Транскрипция. Беспереводной способ: слово на Я2 не переводится, а просто транскрибируется в тексте на Я1 и, возможно, помещается в кавычки для указания на его иностранное происхождение.
3. Дефиниция на Я2 для раскрытия значения слова на Я1 вместо использования эквивалента.
4. Псевдотранскрипция. Выбор слова из Я2, фонетически и орфографически близкого слову из Я1.

Например:

1. Для передачи французского кулинарного термина *pain au chocolat* на русский язык переводчики часто используют буквальный перевод ‘булочка с шоколадом’, хотя в действительности при приготовлении *pain au chocolat* речь идёт о слоёном тесте, традиционно используемом во Франции для данного типа выпечки.

2. Беспереводной способ чаще всего используется для передачи неологизмов или заимствований: *mixologue* = миксолог (новомодное слово для обозначения бармена); *parking; jogging; planning* (паркинг; джоггинг; планирование, график).

3. Дефиниционный приём широко применяется в переводах текстов художественной литературы: *alpha stock* = any of the most active securities on the Stock Exchange of which there are between 100 and 200; at least ten market makers must continuously display the prices of an alpha stock and all transactions in them must be published immediately (*l'un des titres les plus actifs en Bourse, dont le nombre est compris entre 100 et 200 ; au moins dix teneurs de marché doivent afficher en permanence les prix d'une action alpha et toutes les transactions sur celles-ci doivent être publiées immédiatement*). / Одна из самых активных ценных бумаг на бирже, количество которых составляет от 100 до 200; не менее десяти маркет-мейкеров должны постоянно отображать цены альфа-акций, и все транзакции по ним должны немедленно публиковаться (Peurefitte, 1976, p. 133).

4. Возвратимся к словосочетанию *pain au chocolat*, нами отмечено применение псевдотранскрипционного метода: «Пан шоколад» (Седых, Багана, Лангнер, 2010).

Как упоминалось выше, когнитивный словарь, посвящённый объектам, связанным с культурой, мог бы быть словарём коммуникативных ритуалов или стереотипов поведения. Данные о таких референтах, безусловно, могли быть зафиксированы в словарях других типов, в первую очередь в энциклопедиях. Сравнение языков и культур, связанных с национальными языками, показывает, что, например, родственные отношения в каждом лингвокультурном сообществе концептуализируются по-разному и являются в высшей степени культурными явлениями. Для решения данной идентификационной проблемы в коммуникативных словарях могут использоваться типы сжатых дескрипций. Когнитивные словари же, имея дело со сложными явлениями культуры, такими как, например, «переворачивание мертвых» (фамадихана) или семейные отношения, вынуждены предоставлять статьи *in extenso*, рискуя перегрузить микроструктуру. Решение проблемы, возможно, состоит в том, чтобы помещать данные в обзорные статьи и вставлять перекрестные ссылки на эти статьи из статей, посвящённых уровню семейных отношений в экзотических для европейцев культурах.

Так, компоненты обзорной статьи могут описывать некоторые принципы семейных отношений, например на Мадагаскаре по сравнению с остальным миром. В Европе и большей части Северной Америки нуклеарная

семья состоит из родителей и их детей. Нуклеарная семья интегрируется в большую семью, в которой все члены связаны друг с другом родственными узами или браком. Таким образом, человек может принадлежать к двум или более семьям. В принципе, термин семья соответствует малагасийскому термину *fianakaviana*. Этот термин, однако, не является простой семьей, а относится к группе семей, считающих себя принадлежащими к одному и тому же или родовому сообществу (*foko*). Данное понятие включает в себя всех людей с общими предками. Но родословные связи не ограничиваются людьми, имеющими общие генетические или брачные узы. Члены сообщества, именуемые термином *foko*, живут в одном месте и имеют одних и тех же предков (Rakibolana Malagasy Alema, 2016). Помимо семьи, в объём значения данного термина входят и друзья, а иногда даже коллеги, которые часто приезжают в гости к членам данного сообщества (Bergenholtz, Rajaonarivo, 2001).

Связь между культурой и словарями до сих пор рассматривалась только с точки зрения лексикографии, связанной с чужой культурой, в отличие от лексикографии, связанной с материнской культурой в общих словарях (Uchchukwu, 2006, S. 16-28).

Гораздо меньше известно о характере терминов, связанных с культурой, в специализированных словарях, вероятно, потому что культура часто тесно переплетена с фольклором и мифологией конкретного этнокультурного сообщества. Фольклор, безусловно, включает в себя области специализации, но внутри политических обществ есть много других различий. Например, кластер «недвижимость», который включает в себя юриспруденцию, финансы, архитектуру, государственное управление, или «туризм», когда культура становится как препятствием для общения, так и источником знаний и опыта как таковых (Leroyer, 2009).

Так, французское право и датское право значительно разнятся из-за различной этимологии юридических терминов из римской и германской правовых традиций. Тогда двуязычный словарь может интегрировать «контрастивное» введение в юриспруденцию, а также сопоставимые базы документов, как, например, во франко-датском юридическом словаре (Nielsen, 2000). В других областях количество лексикокультурных терминов гораздо более ограничено, например в музыке или архитектуре, не говоря о словарях по естественным наукам. Таким образом, специализированные словари, зависящие от культуры, обрисовывают контуры разнообразного лексикографического ландшафта, который не поддаётся обобщениям или универсальным суждениям.

Основная характеристика специализированных словарей состоит в том, чтобы описывать способ, которым профессионалы в данной области структурируют свою совокупность знаний, и представлять статьи на специальном языке, который они используют для передачи этих знаний в своей профессиональной деятельности. Цель состоит в том, чтобы помочь пользователю понять и употреблять термины в соответствии с использованием и стандартами профессии, и специализированный словарь часто призван брать на себя образовательные задачи нормирования языкового узуса (Sánchez, 2010). В случае с бизнес-словарями, например, специфика профессионального целеполагания состоит в том, чтобы научить пользователей распознавать и использовать «внутрифирменные» термины, обучать им, закрепляя тем самым нормативность производственного узуса (Седых, 1998; Pruvost, 2005).

Специалисты, разрабатывающие структуру и терминологию для своих областей знаний, как правило, мало нуждаются в словарях, охватывающих их собственную область знаний; они без труда читают или пишут тексты, специфические для своей профессиональной области на родном языке. Однако экспертам нужны специализированные одноязычные или двуязычные словари в ситуациях рецепции или производства текстов на Я2, так как профессиональный «домен» на Я2 формируется чужой культурой. В любом случае иностранный язык отражает то, как устроена чужая культура. Это говорит о том, что большинство специализированных словарей-монолингвов (также называемых «лексиконами») не предназначены для специалистов, что открывает обширное неоднородное поле для потенциальных пользователей.

Несколько слов о корпоративной культуре и интрапрофессиональном словаре. Образно говоря, любое предприятие или компания – это «фабрика» терминов. Речь идёт о характерных для предприятия прагматических терминах, терминах для внутреннего пользования, обладающих уникальным статусом, формирующих и передающих культуру компании и её акторов через специфическое пространство производственной активности (Седых, Бузинова, Иванова, 2023). Компания нуждается в прагматерминологических словарях, которые представляют собой не простые базы данных, фиксирующие нормативную терминологию их сферы деятельности, а систематически фиксируют и описывают все внутренние термины для удовлетворения практических информационных потребностей различных пользователей: сотрудников, партнёров, клиентов. Например, термины, структурирующие организацию, должны быть интегрированы новыми членами коллектива: деловой разговор, культурный элемент компании, сфера человеческих ресурсов, потребностей в обучении после найма, продвижения по службе или увольнения (Pruvost, 2014).

В мобильной телефонии термины «подписка» или «пакет», абсолютное значение которых понятно всем, принимают разные значения в зависимости от бренда. То же самое касается сопутствующих практик. В словарях для сети ресторанов быстрого питания, например, мы можем «столкнуться» с диалектонимами или жаргонизмами, составляющими разные профессиональные культуры, например с употреблением специальных терминов: *админ*, *барик*, *гарбич*, *курбуль*, *приговор* (Ресторанный сленг. https://pikabu.ru/story/restorannyiy_sleng_5318004). Помимо простого жаргона, речь может идти о «корпоративной беседе», состоящей из внутрикорпоративных терминов в результате процесса концептуализации актантов профессионального высказывания. С социолингвистической и лингвосомиотической точки зрения производственная сфера представляет собой прежде всего сообщество для обмена элементами языка (Седых, 1998).

Деловой словарь, таким образом, призван задействовать три типа функций: *коммуникативный*, *когнитивный* и *интерпретативный*. Коммуникативные функции включают помощь в восприятии терминов, свойственных

данному учреждению (определения, иллюстрации), их переводе (эквиваленты, словосочетания) и их выражении (грамматическая и контекстуальная информация). Когнитивные функции посвящены знанию домашних терминов (объяснения, прагматические заметки, в частности об их организационной привязке, их хронологии и т. д.) и их применению. Интерпретативные функции, наконец, состоят в оказании адресной помощи в расшифровке всех невербальных внутренних терминов, в частности визуальной идентичности компании (логотипов, вывесок, графического материала).

3. Лексиколгура

В русле интегративного культурологического описания филологической дисциплины металексикографии целесообразно обозначить категорию, именуемую термином «лексиколгура». Лексиколгура является концепцией, выдвинутой Робером Галиссоном, который отмечает тот факт, что один и тот же референт в лингвокультурах разных стран, обозначаемый идентичной языковой единицей, отражает различные образы и репрезентации (Galisson, 1988). Исходя из того, что энциклопедические и когнитивные словари чаще всего предлагают своего рода научные определения вещей, французский лингвист подчеркивает, что то, что он называет «общим языком» по отношению к современному национальному языку, порой достаточно далеко отстоит от научного языка (Carmen, 2001).

Объясним данную мысль на ряде примеров. Итак, обсудим факты, связанные с лексиколгурой. Если значения слова референциально идентичны, денотативно, с чисто лингвистической точки зрения, коннотации не всегда коррелируют на уровне сопоставляемых языков.

Концепт БЕЛКА (фр. *écureuil*, англ. *squirrel*)

Известно, что данное понятие и его референт не вызывает недопонимания, находите ли вы в Квебеке, в России или в Великобритании. Почти все привыкли к этому животному. Однако за этим простым понятием и словом «белка» в разноязычных словарях обнаруживается примерно следующее определение:

Маленький древесный грызун (семейство беличьих, *sciurus vulgaris*) с длинным, очень густым хвостом, отличный альпинист, способный к очень широким прыжкам, передними ногами удерживает семена и плоды, которыми питается, собирает провиант на зиму и легко знаком человеку. (Французская белка имеет более красную шерсть, английская – серая и немного крупнее по размерам, российская – тёмно-бурого цвета) (Larousse, 2013; Большой энциклопедический словарь, 2000; Oxford Dictionary, 2010).

Но лексиколгура «подталкивает» давать в словаре нечто иное, чем просто денотативное определение. Так, белка, увиденная в частном саду, в принципе вызывает у француза вновь открытое очарование природы, и если ему придется её нарисовать, то это животное спонтанно будет изображено в красном платье. Что касается символа, который воплощает данное млекопитающее, то во Франции оно неизменно относится к конструктивному понятию денежных сбережений. Белка (*Caisse d'Épargne* = сберегательная касса) является историческим символом: для многих детей она иллюстрирует первую в их жизни копилку.

Однако в Квебеке вы обнаружите, например, что коллега, пригласивший вас в свой сад и заметивший белку, прыгающую с дерева на его крышу, тут же с гримасой сравнит её с нежеланным грызуном, сеющим хаос на чердаках. Она тоже может быть серого цвета, как крыса, и никак не уподобляется сбережениям. Как видим, слова «белка» в переводе даже на «единоутробные» языки, а именно французский язык Франции и вариант французского языка Квебека, не вызывает одних и тех же ассоциаций у представителей данных социумов. При этом, по мнению Жана Прюво, понятие «белка» у русских также имеет свои образные лексиколгурные предпочтения. Для русского белка ассоциируется прежде всего с маленьким дружелюбным и занятым зверьком, которому приятно дать полакомиться орешками. В русском фольклоре белка символизирует молниеносную скорость. В сказке Пушкина («Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и прекрасной царевне Лебеди»), известной всем русским детям, белка описывается как источник богатства и благополучия. Белка раскалывает зубами фундук, но не обычный фундук, а золотой фундук, ядра которого – чистые изумруды (Pruvost, 2014, p. 111).

Шерсть «русской» белки используется для изготовления беличьих кистей, которые особенно ценятся в качестве акварельных кистей за хорошее удержание воды и мягкость. В более широком смысле слово «белка» может относиться к любой длинной тонкой кисточке, используемой для нанесения штрихов. В России всем известно выражение «вертеться как белка в колесе», что означает: быть в беспрестанных хлопотах, быть занятым бесконечным количеством дел. Так что мысль, которая приходит в голову русскоязычному человеку, когда он видит это животное или слышит слово «белка», обладает ассоциативными связями с представлениями о быстром беге, богатстве высших слоев общества, изнурительном труде и кисти и никоим образом не с крысой, сберегательной кассой или копилкой (Pruvost, 2014, p. 111-115).

То же самое касается ландыша, небольшого растения с колоколообразными цветками, которое ботаники определяют следующим образом: мелкие лилейные растения с ползучим корневищем, двумя-тремя листьями, между которыми располагается гроздь маленьких белых ароматных колокольчатых цветков (Larousse, 2013)

Как отмечает Жан Прюво, это растение у французов ассоциируется с Днем труда, Первомаем. Иначе обстоит дело в таких странах, как Марокко или Алжир, странах, которые также являются франкоязычными или имеют франкоязычную традицию. Лингвист марокканского происхождения как-то сказал учёному: «Для нас ландыш – это сорняк, к тому же вредный для коз». А для французов это «растение, входящее, скажем так, в великие символы труда. Ландыш цветёт весной, и на Первомай принято дарить близким веточку ландыша. Купить ландыш в начале апреля или в конце мая, так сказать, почти немисливо, а то и невозможно» (Pruvost, 2005, p. 13).

Что касается россиян, то у них ландыш ассоциируется преимущественно с одним из первых весенних цветов, а вовсе не с Первомаем или сорняками. В русских поэтических произведениях ландыш всегда отождествляется

с чистотой, нежностью, верностью, любовью, самыми возвышенными чувствами. Ландыш был любимым цветком Петра Ильича Чайковского, великого русского композитора XIX века. Согласно «Русскому ассоциативному словарю», в сознании обывателя ландыш коррелирует с «Красной книгой» и «ландышевыми каплями» (ландышево-валериановые капли = кардиотоническое, седативное и спазмолитическое средство) (Караулов, Черкасова, Уфимцева и др., 2002, т. I).

Как видим, здесь снова присутствует символ, который является лексиккультурным. К сожалению, не все словари отмечают лексиккультурную информацию языковых единиц. Так, во французских словарях для слова *écureuil* (белка) не упоминается ассоциация с *caisse d'épargne* (сберкасса), так же как и в большинстве одноязычных или двуязычных словарей не всегда упоминается ландыш как символ Первомая (Larousse, 2013).

Следующий пример. По мысли Жана Прюво: «Слово “accordéon” (аккордеон) спонтанно ассоциируется во Франции (особенно у французов определённого возраста) с популярной музыкой и бал-мюзет (*bal-musette* = популярные танцевальные мероприятия под аккордеонную музыку) или с Жискарсом д'Эстеном, о чём в 2002 году напоминают рисунки Плантю, забавно изображающие президента, играющего на аккордеоне, перед текстом Европейской конституции, которая близка к завершению» (Pruvost, 2005, p. 25). Речь не всегда идет о коннотации, общей для всей франкофонии, то есть о восприятии, разделяемом культурно в определённом языковом сообществе, но не обязательно явно выраженном в словарях. На аккордеоне играют и в Луизиане, но этот инструмент там не для народных балов, он используется в основном для исполнения блюзовой музыки.

В России же на аккордеоне в основном играют на концертах классической музыки. Однако существует также разновидность аккордеона, очень близкая к французскому инструменту и называемая «баян». Баян или хроматический аккордеон появился в конце XIX столетия. Его использование получило распространение в начале XX века. Своим названием он обязан легендарному древнерусскому (или славянскому) певцу и сказителю Баяну (или Бояну), выступавшему перед несколькими князьями в XI веке. Он существует в двух формах: сначала хроматический аккордеон, затем хроматический басовый аккордеон (Седых, 2022).

Следует напомнить, что во Франции существует три типа клавишных и кнопочных инструментов, носящих одно и то же название «аккордеон»: *Accordéon Chromatique* (фортепианная клавиатура), *Accordéon Chromatique* (кнопочная клавиатура) и диатонический аккордеон (тоже с кнопками). Хроматический кнопочный французский аккордеон и русский баян похожи «как две капли воды», но это всего лишь форма пластинки для удара пальцами, а не способ игры на нем. Баян сегодня в России является одним из инструментов, всё ещё актуальных, и он скорее связан с ностальгией по старой и традиционной России. Баян (русский аналог аккордеона во Франции) спонтанно ассоциируется в России с популярной музыкой и «народными гуляньями» (частично соответствует французским *bal-musette*) и, конечно, не имеет прямого отношения к французским культурным реалиям. Кроме того, в русском языке есть трудное для понимания и перевода «сочное» народное выражение, связанное с этим инструментом (баяном): «хоронили тещу – порвали два баяна», которое вызывает яркие и саркастические ассоциации у любого русофона. Когда русский говорит гостю: *Ну, ты с баяном пришел?* – значит, скоро начнётся русская «вечеринка» (свадьба, день рождения, похороны), но никак не французский бал-мюзет с аккордеоном для вальса или танго.

Речь идёт о специфическом аспекте семантики лексем, характерной для каждого этноса, и это означает, что надо знать культуру страны, надо знать, например, рекламу, которая делается для того или иного продукта, нужно знать анекдоты о той или иной личности. На самом деле это то, что называется лексиккультурная «калька» или, точнее, делексикализованная единица, то есть феномен заимствования известного явления (референта) и трансформация семантики с добавлением новой этнокультурной или окказиональной коннотации. По мнению Робера Галиссона, делексикализация занимает важное место в лексиккультуре любого типа (Galisson, 1988).

Следующий момент, который хотелось бы затронуть в связи с лексиккультурой, – это понятие «культурный зазор» («культурный тензор» в русле концепции Гюстава Гийома). Термин введён в научных обиход А. П. Седых во французском варианте: *décalage culturel* – и означает форму семиотического этноцентризма вследствие релокации референта и эмоциональной фиксации в пространстве эндофонной культуры (Pruvost, Sedykh, 2016). Достаточно широкий диапазон лексиккультурных колебаний сигнификата часто ведёт к возникновению культурного шока в восприятии межкультурных коммуникантов. Именно понятийное содержание знака формирует этнокультурный след (тензор), который сохраняется на долгое время в языковом сознании индивида, как носителя национального языка (Седых, 1998).

Рассмотрим в качестве примера лексический арсенал академического дискурса, обслуживающего, в частности, систему среднего и высшего образования Франции и России. Очевидно, что система образования каждой из стран влияет на представления граждан о способах формирования и обучения новых поколений членов рассматриваемых социумов. В этой связи уместно говорить о специфике способов номинации и самих номинантов элементов каждой из систем образовательного процесса.

Франция

Во Франции образование является обязательным и бесплатным с 3 до 16 лет. Доступ к высшему образованию обусловлен получением национального диплома **бакалавра**. Полное среднее образование осуществляется в общетехнических средних школах или в профессионально-технических училищах (учащиеся в возрасте от 15 до 18 лет). Обучение длится три года и включает три направления обучения: общее направление готовит к получению длительного высшего образования, технологическая опция в первую очередь готовит к краткосрочному высшему образованию технологического характера, и, наконец, профессиональное – ведёт в основном к трудовой жизни, но также дает «отсроченный» доступ к высшему образованию.

Окончание полного среднего образования подтверждается получением национального диплома **бакалавра**. Этот диплом открывает доступ к высшему образованию и представляет собой первую университетскую степень.

Так, во Франции можно часто услышать фразу: «Получите сначала степень бакалавра, а потом будет видно» (*Obtenez d'abord un baccalauréat, et ensuite vous verrez*). Для жителей этой страны это очень важное высказывание, которое существует уже более пятидесяти лет. В будущей ситуации может измениться, но на данный момент это именно так. Старшеклассники сначала сдают экзамены на получение диплома бакалавриата, французские родители волнуются, чтобы у их детей был этот диплом, а потом появляется определённая свобода выбора и человек становится студентом. Понятие, именуемое термином *bac*, для большинства французов является своего рода пограничной лексикомкультурной ценностью.

Например, получить оценку «четырнадцать» или «пятнадцать» на бакалавриате по философии означает получить очень хорошую оценку, так как во Франции основная система оценок – от 0 до 20 баллов, где оценка «двадцать» – максимальная. Надо отметить, что философия – дисциплина, которую редко преподают в средней школе других стран. В Германии, например, она появляется только в университетах. Есть много стран, где философия не преподаётся на последнем году обучения. На протяжении десятилетий во Франции это было своего рода характерной чертой. Аллофону не всегда легко понять данную систему, и в этом смысле французский феномен и его номинант «бакалавриат» заслуживают лексикомкультурного анализа.

Россия

В настоящее время в России, как и в англосаксонской университетской системе, степень бакалавра (на английском языке *baccalaureate* или *bachelor's degree*) – это степень, санкционирующая первые три или четыре года обучения в университете, завершающая первый цикл высшего образования (*cycle undergraduate* или *cycle pre-graduate*). Степень бакалавра считается первой из высших академических степеней, после которой следуют магистратура и докторантура.

Ср.: российская система образования и образование в России в основном обеспечиваются государством и регулируются Министерством образования и науки (с 2004 до 2018 года). В возрасте 16-17 лет, в 11 классе (эквивалент финального класса французского лицея «терминаль»), российские ученики сдают выпускной экзамен средней школы (единый государственный экзамен, ЕГЭ = единый федеральный экзамен) и получают (или нет) *аттестат о среднем общем образовании*, в просторечии продолжающий именоваться аттестатом зрелости, эквивалентный французскому бакалавриату (во французском переводе *diplôme de fin d'études secondaires complètes*). С этим дипломом молодой человек может поступить на выбранный факультет или участвовать в конкурсе на поступление в высшее учебное заведение.

Российские родители также говорят своим отпрыскам: «Сначала сдай ЕГЭ!», потому что российские родители очень обеспокоены, не меньше, чем французские родители, получением аттестата зрелости, чтобы наконец иметь определённую свободу выбора и для продолжения своими детьми образования на более высоком уровне.

Знание лексикомкультурной составляющей языковых единиц наиболее ярко проявляется при осуществлении перевода, точность которого зависит от профессиональной компетентности переводчика, органичной частью которой являются лингвокультурологические данные о стране переводного языка. Если некомпетентный переводчик переводит французскую фразу «*Mon fils a obtenu son bac*» как «*Мой сын получил свой диплом бакалавра*», то межкультурная коммуникация, в которой участвует русофон, будет unsuccessful вследствие того, что у адресата этой информации может создаться впечатление, что французские дети получают звание бакалавра после завершения обучения в лицее. Культурный зазор здесь довольно велик, и простого языкового чутья недостаточно для адекватного понимания термина «бакалавриат», так как в современной России он обозначает диплом, подтверждающий получение базового высшего университетского образования в специализированных областях, таких как, например, преподавание, химия, инженерия.

Приведённая выше лексикомкультурная информация должна быть обязательно помещена в словарную статью о «бакалавриате». Несомненно, любой составитель словаря знает, что первое, о чем ему следует беспокоиться, довольно тривиально и касается количества слов и страниц, стоимости книги и, конечно же, типа аудитории. При этом современные требования к лексикографии диктуют новые форматы составления словарей, а именно: учёт и фиксацию лексикологических, лексикомкультурных и коммуникативных данных. Современный словарь должен стать и очень быстро становится полноправным инструментом общения, конструктивным объектом изучения и эффективным продуктом инновационных технологий.

Заключение

Итак, большинство словарей являются культурными артефактами, в рамках которых практически все слова и фразы, записанные в словарях, связаны с культурой. Обработка культурологических данных определяется типом словаря, его прагматическим назначением – коммуникативным или познавательным – и его лексикографическими функциями. Кроме того, культурные, фактические и лингвистические навыки пользователей, для которых предназначены словари, влияют на способ объяснения и представления явлений, связанных с культурой. В одних словарях культурно связанные слова и выражения не представляют проблемы, тогда как в других, как показано выше, лексикографам приходится принимать специальные решения для адаптации обработки конкретных культурных явлений к информационным потребностям пользователей.

В специализированных словарях необходимо проводить основное различие между областями, формируемыми культурой, областями, независимыми от культуры, и поликультурными областями. И здесь решения, используемые для обработки культурных данных, определяются исключительно лексикографическими функциями, коммуникативными или когнитивными ситуациями и прагматической целью словаря. Функциональная методология ещё более важна в мультикультурных областях, таких как недвижимость или туризм, которые требуют совместных полифункциональных решений для учёта сложных прагматических целей.

Наконец, в области словарей и корпоративных культур, будь то одно- или многоязычные словари, эмпирическая основа устанавливается в соответствии с прагматерминологическим подходом, который фокусируется на выборе и описании культурных единиц, символизируемых интракорпоративными терминами. Выясняя исключающее положение внутрифирменных терминов, металексикографическое целеполагание прокладывает путь к разработке интегрированных многофункциональных словарей, которым, естественно, суждено стать информационными и управленческими инструментами, имеющими как стратегическое, так и культурное значение.

К важнейшим категориям металексикографического описания относится феномен лексикультуры, выступающий базовым элементом межкультурной коммуникации и металексикографического описания, которое призвано в конечном итоге обеспечивать её успешность. Лексикультурный компонент языкового знака формирует широкий диапазон семантических колебаний для концептуального восприятия иноязычных культур. Одним из главных инструментов успешной коммуникации между представителями иноязычных культур выступает адекватный «лексикультурный» перевод высказываний, который должен отражаться в дефинициях как минимум двуязычных словарей.

В этой перспективе отметим, что какова бы ни была область её применения, культурная лексикография или лексикография языковых культур существует не в единственном, а во множественном числе; можно сказать, что нет культуры и словаря в единственном числе, но есть множество разнообразных культур и словарей в рождающемся и утверждающемся многополярном мире благодаря обилию действующих лиц, пользователей и бесконечному и постоянно обновляемому количеству ситуаций и форматов использования словарей. Вызовы, стоящие перед лексикографами и металексикографией как научной дисциплиной, связаны с деятельной позицией современного человека, которому жизненно необходимы словари активного и интерактивного типа, обеспечивающие не только конструктивный онтогенез индивида, но и тем самым прогрессивное развитие человечества.

Перспективы дальнейших изысканий видятся в расширении эпистемологической и эмпирической базы исследования за счёт внедрения инновационных подходов в рамках контрастивного анализа лексикографических ресурсов дистантных языков и лексикультур с целью обогащения существующих и создания новых корпусов национальных языков.

Источники | References

1. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1.
2. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. тр. Волгоград, 2007.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
4. Седых А. П. Контекст. Знак. Образ. Белгород: БГУ, 1998.
5. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир (монография). Белгород: Эпицентр, 2022.
6. Седых А. П., Бузинова Л. М., Иванова В. Р. Психомеханика дискурса французской моды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 7. <https://doi.org/10.30853/phil20230333>
7. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсология, междисциплинарность, регионализация. Белгород: Эпицентр, 2023.
8. Babu J.-Ph. *Gustave Guillaume, aux sources archéologiques du problème de l'article: thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris-Sorbonne*. P., 2014.
9. Baudrillard J. *La société de consommation: ses mythes, ses structures*. P.: Denoël, 1974.
10. Bergenholtz H., Rajanarivo S. *Kontrastive Analysen Deutsch-Madagassisch: Eine Übersicht // Deutsch als Fremdsprache. Ein internationales Handbuch / hrsg. von G. Helbig, L. Götze, G. Henrici, H.-J. Krumm*. Berlin – N. Y.: Walter de Gruyter, 2001.
11. Bergenholtz H., Tarp S. Two opposing theories: On H. E. Wiegand's recent discovery of lexicographic functions // HERMES – Journal of Linguistics. 2003. No. 31.
12. Carmen M. B. Les apports incontournables de Robert Galisson à l'œuvre de construction de la didactologie des langues-cultures // Éla. Études de linguistique appliquée. 2001. № 123-124.
13. Galisson R. Cultures et lexicultures. Pour une approche dictionnaire de la culture partagée // Annexes des Cahiers de linguistique hispanique médiévale. P.: 1988. Vol. 7. Hommage à Bernard Pottier.
14. *Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau*. P.: Harmattan, 2009.
15. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. P.: Dunod, 2005.
16. Kristeva J. *Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire*. P.: Folio Essais, 2000.
17. Leroyer P. En termes de vin: lexicographisation du guide œnotouristique en ligne // Revue française de linguistique appliquée. 2009. Vol. XIV (2).
18. Leroyer P., Bergenholtz H. *Métalexigraphie culturelle, fonctions lexicographiques et finalité pragmatique // Éla. Études de linguistique appliquée*. 2013. №170.
19. Morin E. *La méthode: en 6 vols*. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
20. Nielsen S. Translation strategies for culture-specific textual conventions in bilingual dictionaries // *Lexicographica*. 2000. Vol. 16.
21. Peyrefitte A. *Le Mal français*. P.: Fayard, 1976.
22. Pruvost J. *Dictionnaires et nouvelles technologies*. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.

23. Pruvost J. Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée. 2005. No 137.
24. Pruvost J., Sedykh A. Lexiculture et dictionnaires: décalages culturels // Лексикография и коммуникация – 2016: мат. II междунар. науч. конф. (г. Белгород, 21-22 апреля 2016 г.). Белгород: Белгород, 2016.
25. Quemada B. Notes sur lexicographie et dictionnaire // Cahiers de lexicologie. 1987. № 51.
26. Rastier F. Sémantique interprétative. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
27. Rey Ch. Dictionnaire et société. P.: Honoré Champion, 2020.
28. Sánchez A. The treatment of cultural and/or encyclopaedic items // Specialised dictionaries for learners / ed. by P. Fuertes-Olivera. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 2010.
29. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2022. Vol. 8. No. 3.
30. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // International Journal of Engineering and Technology (UAE). 2018. Vol. 7. No. 4.38.
31. Stein P. Langue-dialecte-patois & co, les grands inconnus, et ce qu'en disent les dictionnaires // Des langues collatérales. Problèmes linguistiques, sociolinguistiques et glottopolitiques de la proximité linguistique: Actes du Colloque international réuni à Amiens, du 21 au 24 novembre 2001 / sous la dir. de J.-M. Eloy. En coédition avec la Collection du Centre d'Études Picardes. P.: L'Harmattan, 2004. № 51.
32. Streeck J. Grammars, words, and embodied meanings: On the uses and evolution of 'so' and 'like' // Journal of Communication. 2002. Vol. 52 (3).
33. Tabachnick M. Psychomécanique du langage et sémiotique du texte littéraire. Sarrebruck: Ed. Universitaires Européennes, 2011.
34. Tylor E. B. Primitive culture: Researches into the development of mythology, philosophy, religion, art, and custom: in 2 vols. L.: J. Murray, 1871. Vol. 1.
35. Uchechukwu C. Grammatiktheorie mit lexikographischem Ausblick. Grammatiktheoretische Grundlagen der zweisprachigen Lexikographie der Sprachen Igbo und Deutsch. Munich: Lincom, 2006.

Информация об авторах | Author information

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.

Акимова Эльвира Николаевна², д. филол. н., проф.

Безкоровая Галина Тиграновна³, к. филол. н., доц.

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Белгородский государственный технологический университет

² Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

³ Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва

Sedykh Arkadiy Petrovich¹, Dr

Akimova Elvira Nikolajevna², Dr

Bezkorovaynaya Galina Tigranovna³, PhD

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University;

Belgorod State Technological University

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

³ Plekhanov Russian Economic University, Moscow

¹ sedykh@bsu.edu.ru, ² akimovaen@mail.ru, ³ begati1@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 04.08.2023; опубликовано online (published online): 27.09.2023.

Ключевые слова (keywords): металексикография; культура; лексиккультура; культурный зазор; этнокультурные коннотации; metalexigraphy; culture; lexiculture; culture gap; ethnocultural connotations.